

Проблемы предложения в миссионерской практике русского зарубежья в 1920–30-х годах

Октябрьский переворот и последовавшая за ним кровавая гражданская война, открывшая скорбный счет жертвам русского геноцида, привели к тому, что сотни тысяч наших соотечественников вынуждены были оставить родину и отправиться в вольное или невольное изгнание. За границей оказались представители самых разных слоев населения Российской державы: ученые, философы, писатели, художники, учителя, инженеры, военные. Большинство из них, оказавшись в изгнании, «потеряли стабильные основы и смысл своей жизни» [1, с. 152]. Как пишет историк русской эмиграции Марк Раев,

внутренняя опустошенность застыла в глазах тех, кто эвакуировался из Крыма, гражданских беженцев в бывших лагерях для военнопленных, детей и студентов во временных убежищах, мужчин, женщин и детей в наспех сооруженных бараках в Латвии, Болгарии, Югославии или тех, кто по воле случая оказался без средств на улицах Берлина, Парижа и других европейских городов [1, с. 152].

Оказавшись в крайней ситуации, эмигранты искали опору в Церкви. Для многих из них

возрождение веры явилось источником утешения и внутренней силы, необходимой для того, чтобы пережить тяготы изгнания и заполнить пустоту, возникшую после утраты прежних идеалов [1, с. 153].

В сознании большинства эмигрантов из России быть верующим означало быть православным. При этом многие из них, признавая себя православными, оставались не только нецерковными людьми, но и не наученными в основах православной веры.

Нужно сказать, что практически сразу представители Российской православной церкви в эмиграции условно разделились на два лагеря. Первый, возглавляемый Епископским синодом в Сремских Карловцах, был более политизированным, нацеленным на восстановление монархии в России и занимал жесткую охранительную церковную позицию. Другой, с центром в Париже, собрался вокруг митр. Евлогия, назначенного патриархом Тихоном главой русской церкви в Западной Европе. Для этого ла-

геря было свойственно принципиальное неучастие в политической борьбе русской эмиграции, открытость к представителям иных христианских деноминаций Европы, особая нацеленность на миссионерское служение, прежде всего среди русских эмигрантов, а также на свидетельство о православии коренным гражданам европейских государств. Можно сказать, что для этих двух лагерей Русской православной церкви была актуальна одна общая задача – сохранение русской культуры, самобытности, стремление не поддаваться европейской культурной и духовной ассимиляции. Они старались помочь русским людям в изгнании сохранить себя физически, культурно и духовно, обрести ближнего и истинного Бога. Задача эта в разных лагерях решалась по-разному. В стане митр. Евлогия, в 1927 г. перешедшего под юрисдикцию Константинопольского патриарха, она во многом решалась благодаря христианскому просвещению и миссии. Поскольку в миссионерском служении всегда присутствуют элементы предложения, представляется возможным утверждать, что и в миссионерской практике русского православного зарубежья элементы предложения имели место.

Ниже попытаемся выявить некоторые из этих элементов, используя наиболее яркие примеры, после чего постараемся осветить проблемы и сложности предостережительного процесса в европейских странах (включая также Латвию и Эстонию) в этот период (1920–30-е годы).

Многие согласятся с тем, что главным двигателем православной миссионерской работы в среде русских эмигрантов являлось Русское студенческое христианское движение, которое отсчитывает свою историю с октября 1923 г., когда в местечке Пшеров под Прагой состоялась I русская студенческая христианская конференция за рубежом. Присутствовавший на конференции о. Сергей Булгаков определил три основные характеристики нового движения: а) принятие ответственности за судьбы церкви в России и за рубежом; б) осознание новой евхаристической эпохи; в) утверждение вселенскости восточного православия и связанное с этим стремление восстановить общение с западными христианами [2, с. 11].

На II съезде РСХД (февраль 1924 г.) большое внимание было уделено вопросу о задачах и целях движения. В результате обсуждения была принята следующая резолюция:

Русское христианское движение в Западной Европе ставит своей задачей пробуждение религиозных вопросов среди молодежи, привлечения внимания к вопросам веры и укрепление духовной жизни. В этих целях оно стремится к сближению и объединению молодежи на почве совместного изучения слова Божия, посильного углубления церковного сознания в духе православия ради оцерковления себя и всей жизни [2, с. 13].

К. Обозный
• Проблемы предложения в миссионерской практике русского зарубежья в 1920–30-х годах

*Работы
студентов
по кафедре
МКГ*
• *На пути
к воцерков-
лению*

В итоге работы IV съезда движения (сентябрь 1926 г.) вышли резолюции, в которых цели и задачи РСХД были сформулированы более концентрированно [2, с. 14]. Для нашей темы особенно интересны следующие положения:

Основной задачей движения является привлечение неверующей или маловерующей части молодежи к православию...

...поэтому в составе его всегда будут существовать кружки различной степени и силы религиозного сознания...

Русское студенческое христианское движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующих студентов для служения православной церкви и привлечение к вере во Христа студенческой молодежи; включает в свой состав студенческие христианские кружки и церковные братства, являющиеся автономными организациями, объединенными общими целями и общим выборным органом для проведения этих основных целей в жизнь... [2, с. 28].

В итоге V съезда РСХД были разработаны основные положения устава движения. Среди прочего было установлено, что

Русское студенческое христианское движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом [2, с. 34].

В печатном органе РСХД, «Вестнике», также выходили статьи руководителей движения, посвященные насущным задачам. Так, например, Н.М. Зернов писал в своей заметке в 1927 году:

Перед русскими церковными людьми стоит огромная, часто кажущаяся непосильной задача вернуть в православную церковь русскую молодежь... Русская молодежь, конечно, жива, она ищет истину и красоту жизни, но трудно найти среди нее здоровых юношей и девушек, все они исковерканы и измучены, и все нуждаются в опытной духовной помощи и поддержке. Конечно, для этой новой русской беды одних старых средств недостаточно... Нужны новые и разнообразные виды духовной работы, а главное – развитие самостоятельности в среде самого юношества.

Как видно из документов, которые мы цитировали выше, движение должно было собрать под своими крыльями прежде всего студенческую молодежь. Первоначальным этапом воцерковления молодежи и студентов, естественно, должна была быть православная миссия и предоголасительная керигматическая проповедь. Новизна, о которой писал Н. Зернов, состояла в том, что впервые на

повестку дня была поставлена необходимость внутренней миссии, то есть миссии в отношении людей, которые по факту своего происхождения, рождения, отношения к русской культуре могли считать себя православными христианами, но по существу таковыми не являлись. Не стоит смущаться тем, что главным объектом миссии стало молодое поколение русских эмигрантов, так как студенчество и молодежь 1920–30-х годов русского зарубежья была гораздо взрослее, серьезнее и ответственнее современных представителей этой категории населения. Потому возможно обсуждать эту проблему в категориях нормального катехумената. Кроме того, деятельность РСХД очень скоро охватила и более старшее поколение, о чем будет сказано ниже.

Основная нагрузка миссионерской, просветительской и приглашительной работы легла на плечи секретарей РСХД. Упомянем двух ярких сотрудников движения – И.А. Лаговского (секретаря РСХД в Прибалтике с 1934 г.) и мать Марию, тогда еще Елизавету Юрьевну Скобцову, которая выполняла обязанности разъездного секретаря. Лаговский редактировал «Вестник», некоторое время выходивший в Эстонии, и, кроме того, посещал многие города и села Латвии и Эстонии с лекциями, публичными выступлениями и специальными педагогическими семинарами. Среди тем, которые Иван Аркадьевич предлагал своим слушателям (студентам, педагогам, интеллигенции), были не только положение церкви в Советской России, христианская педагогика, задачи и деятельность движения, но и беседы о Церкви, о покаянии, истинном спасении, что имеет прямое отношение к приглашительному этапу.

Е.Ю. Скобцова в качестве разъездного секретаря РСХД по социальной и миссионерской работе совершала поездки по эмигрантской Франции, в ходе которых общалась не только со студенческими и интеллигентскими кружками, но и с обнищавшими русскими беженцами, «находившимися в совершенно чуждой им обстановке, которая довела многих до апатии, озлобленности и отчаяния» [4, с. 28]. Как пишет биограф матери Марии прот. Сергей Гаккель,

формально ее задачей могло быть чтение докладов на собраниях эмигрантов в Лионе, Тулузе, Страсбурге. На самом же деле конкретные требования данной обстановки чаще всего превращали деятельность докладчицы в служение социальное или духовное [4, с. 28].

Известен случай, когда Е.Ю. Скобцова приехала в Пиренейские шахты, чтобы навестить забытых русских шахтеров.

Ее предложение провести беседу было встречено враждебным молчанием. «Вы бы лучше нам пол вымыли, да всю грязь прибрали, чем доклады нам читать», – злобно возразил один шахтер. Она сразу согласилась.

К. Обозный
• Проблемы приглашения в миссионерской практике русского зарубежья в 1920–30-х годах

*Работы
студентов
по кафедре
МКГ*
• *На пути
к воцерков-
лению*

«Работала я усердно, да только все платье водой окатила. А они сидят, смотрят, – рассказывала она. – Потом вдруг – и так неожиданно! – тот самый человек, который так злобно обратился ко мне, снимает с себя кожаную куртку и дает мне: – Наденьте... Вы ведь вся вымокли.

И тут лед стал таять. Когда я закончила, посадили меня за стол, принесли обед, и завязался разговор» [4, с. 29].

Наиболее интересны в контексте нашей темы следующие строки, написанные рукой матери Марии после посещения русских эмигрантов:

В таких трущобах о вере в Бога, о Христе, о Церкви говорить бесполезно, тут нужда не в религиозной проповеди, а в самом простом – в сочувствии [4, с. 29].

Действительно, приглашение начинается именно с установления внутреннего доверия и контакта, а позже, по мере зарождения и утверждения в ищущем человеке веры, – дружественного общения и молитвы [5, с. 67].

Мать Мария продолжала читать доклады в своих миссионерских поездках, но теперь она все больше стремилась «к чисто человеческим встречам».

То, что я даю им, ничтожно, – отмечала она. – Поговорила, уехала и забыла. Но каждый из них требует всей вашей жизни, ни больше, ни меньше. Отдать всю свою жизнь какому-нибудь пьянице или калеке – как это трудно [4, с. 30].

Это стремление мать Мария смогла воплотить, формально оставив РСХД, но продолжая творить дела милосердия и просвещения, возвращая несчастных к жизни. С этой целью ею было основано «Православное дело». Хотя основное направление деятельности «Православного дела» носило социальный характер, по сути это было дело спасения человека: спасения от смерти физической, но также и от распада личности, от гибели духовной. Главным смыслом своего служения мать Мария определила возвращение человеку памяти о том, что он есть образ и подобие Божие, храм Духа Святого, нетленная икона Божества [4, с. 89]. Именно в этом заключается главный смысл и цель приглашения, которое не должно оставаться сухим теоретизированием, но должно становиться личным свидетельством явления Царства, вызывающим «пробуждение общечеловеческой жажды спасения и творчества в пока еще не ведающих их Тайн людях» [5, с. 66].

Элементы приглашения присутствовали в пастырской деятельности епископа Пражского Сергия (Королева), большого друга

РСХД, неоднократно принимавшего участие в работах съездов движения. Как вспоминают современники еп. Сергия, «вся политика Владыки в Праге сводилась к непрестанному – личному – общению епископа с верующими и равнодушными» [6, с. 39]. Последнее замечание не совсем верно, так как владыка был доступен для любого жаждущего общения, будь он церковным человеком, или новоначальным, или отпавшим от веры, или же ищущим, но никак не равнодушным. При этом уважение и авторитет еп. Сергий снискал и у местного чешского населения, особенно у детей, называвших его «святой Микулаш», так как своим обличем, а главное добротой и расположением он напоминал им свт. Николая.

Главная идея владыки Сергия – необходимость братского христианского общения – нашла свое выражение в его важнейшем труде «О подвиге общения». Не будем здесь останавливаться на его содержании; обратим внимание на то, как владыка лично воплощал в своей жизни «этот свободный и радостный подвиг» [6, с. 171].

В Праге в тот период находилась довольно большая русская колония, очень разнообразная по своим политическим взглядам. Были здесь и монархисты, и социал-демократы, евразийцы и кадеты, а более всего здесь было социал-революционеров. Однако еп. Сергий всегда умел стоять над этими человеческими разделениями, а потому «пользовался у всех неизменным уважением» [6, с. 97]. Владыка Сергий этих людей не сторонился, так как для него важнее было «видеть человека, а не его политические убеждения» [6, с. 85].

Епископ Сергий в своем недельном распорядке один день выделит для личного общения со своими духовными чадами, прихожанами, порой людьми неверующими и мятущимися. По четвергам владыка принимал посетителей в своей комнатке за чаем, который сам и готовил. Здесь собирались люди

разного образования, положения, возраста; епископ сам поил всех чаем с вареньем и для каждого находил слово ласки и утешения. Владыку ценили и уважали не только русские, но и многие чехи, иногда даже люди почти неверующие [6, с. 222].

По воспоминаниям очевидцев, квартира владыки стала центром русской колонии в Праге. Кто только не побывал на этих приемах!

Проживавшие в Праге, проезжие, все попадали к владыке, и каждого он умел принять, и угостить, и обласкать. К тому же и обучал всех незаметно великому искусству спасения души. Главным орудием спасения души владыка Сергий считал христианское взаимообщение и благожелание. Он учил, что человек, предоставленный самому себе, в одиночестве, сам от себя скрывает свои недостатки и уже поэтому бывает неспособен с ни-

К. Обозный
• Проблемы
предложения в мис-
сионерской
практике
русского
зарубежья
в 1920–30-х
годах

*Работы
студентов
по кафедре
МКГ*
• *На пути
к воцерков-
лению*

ми бороться, тогда как общение с ближними их вскрывает и, сталкивая недостатки одних и других, помогает исправлять. Таким образом, владыке удалось воспитать в своей пастве большое единодушие и взаимное благожелательство [6, с. 90].

Через некоторое время, внимая многочисленным просьбам, еп. Сергей открыл Николаевское подворье – молитвенно-миссионерский центр (по его благословению сняли большую квартиру, расходы на ее содержание владыка взял на себя). Там продолжались встречи епископа с народом, жаждущим общения. После богослужений, а также и в другое время

происходило общение между присутствующими. Два раза в неделю, по средам и пятницам, вечером владыка служил акафист, потом после чая вел беседы о подвиге общения, благобытии и на другие темы [6, с. 161].

Сохранились, благодаря памяти очевидцев, такие факты, когда еп. Сергей «снял время от времени зал и звал всех прийти к нему чайку попить. Мы сидели за столиками часто с незнакомыми людьми. Владыка знакомил, принимая участие в разговоре, давал тему, если видел, что знакомство не ладится» [6, с. 129].

В конце второй мировой войны Прага была наводнена многочисленными беженцами, многие из которых прибыли с Востока, с территорий СССР. Забота и милость владыки Сергея распространилась, конечно же, и на них. Священнослужители из числа беженцев находили у него радушный приют, кормились у него, получали необходимые медикаменты, одежду и христианское утешение [6, с. 262–263].

После второй мировой войны (1946 г.) архиеп. Сергей был переведен на Венскую кафедру, где также продолжал свое служение, делясь радостью и мудростью христианского общения.

В памяти венцев надолго сохраняются его общительные и многолюдные трапезы, систематически устраиваемые после воскресных и праздничных богослужений в его квартире. На них очень часто присутствовали и представители духовенства почти всех инославных церквей в Вене, которые в своих высказываниях неизменно отмечали высокое моральное значение этих собраний, называя их «агапами любви» [6, с. 264].

Такое свидетельство многого стоит. Здесь подмечена главная особенность в служении владыки Сергея – собирание чад Божиих воедино, путем братского христианского общения. В это общение вовлекались не только верные, церковные прихожане епископа, но и те, кто только начинал искать путь к Богу и в Церковь. Сам образ владыки Сергея, его жизнь, его философия «подвига

общения», а также устраиваемые им собрания способствовали развитию христианской миссии, а в ее рамках – и элементов предложения в русской Праге.

Последний пример, который хотелось бы представить вниманию читателя, – это миссионерские труды РСХД в Прибалтике. Опыт прибалтийского филиала движения не случайно выделен отдельно. Жизнь русских эмигрантов и коренного русского меньшинства здесь отличалась от жизни в Европе. Лидеры РСХД отмечали, что в тот период, когда РСХД в Европе переживала кризис (30-е годы), в Прибалтике (после 1934 г. в основном в Эстонии) деятельность движения имела особенно хорошие результаты. Начиная с августа 1928 г. проводились регулярные съезды РСХД в Прибалтике (сначала только летние, а потом и зимние). Как признавал один из лидеров движения, Василий Васильевич Зеньковский, съезды РСХД всегда имели миссионерскую («призывную») часть [7, с. 40]. Действительно, на всех съездах, проводимых в Прибалтике, эта составляющая работы присутствовала неизменно. Особенно характерен в этом смысле съезд в местечке Ряпина (Эстония), положивший начало РХД крестьянской молодежи. Съезд проводили секретарь РСХД в Прибалтике И.А. Лаговский и молодой священник Александр Киселев. На съезде было около 70 человек, причем 50 – представители крестьянской молодежи. Целью съезда было вовлечь в христианскую миссионерскую просветительскую работу крестьянскую молодежь, ибо до этого движение кружки действовали в основном только в городах, объединяя, как правило, учащуюся молодежь.

Существовала реальная опасность, что съезд не удастся: смогут ли объединиться незнакомые люди, будет ли преодолена разобщенность и настороженность деревенских по отношению к городским? «Многие из деревенских готовы были отнестись к съезду как к “барской затейке”» [8, с. 100].

Благодаря духовным усилиям участников съезда эта настороженность и недоверие были преодолены. Съезд удался и стал мощным импульсом для христианской просветительской и культурной работе на селе в Эстонии. Показательны темы докладов, прозвучавшие на съезде: «Радость духовной жизни», «Душа русского народа», «Религия и культурная работа», «Чем живет и во что верит советская молодежь», «Как устроить себя и жизнь». По признанию руководителей съезда, одной из основных линий его работы стал семинар о смысле жизни. Вопросы на семинаре были различные, но преобладали темы, характерные для начального миссионерского этапа и предложения: о происхождении мира и человека, о происхождении зла, об отношении к войне, к науке, к искусству. На съезд приехала лучшая часть ищущей деревенской молодежи. Основная часть деревенских жителей относилась

К. Обозный
• Проблемы предложения в миссионерской практике русского зарубежья в 1920–30-х годах

Работы студентов по кафедре к ним порой враждебно-насмешливо, но несмотря на это они приехали на съезд, чтобы утолить жажду лучшей, высшей жизни с Богом и в Церкви.

МКГ Особенно ярким событием для участников съезда стали два вечера «вопросов и ответов», когда всякий желающий подавал председателю заранее сформулированные и написанные вопросы, на которые потом общими силами искали ответы. Все вопросы были религиозные или религиозно-философские. Бумажек с вопросами было свыше сотни.

• *На пути к воцерковлению*

Самое поразительное во всем этом было то, что деревенская молодежь, живя теми же духовными запросами, что и так называемые «культурные люди», относится к ним совершенно иначе, чем многие из нас, – для нее все эти вопросы были вопросами не теоретического любопытства, а именно вопросами жизнеустройства, жизнеделания [8, с. 103].

Другой семинар также имел черты предогласительного общения. Его тема – «Религия и наука». В деревне было широко распространено мнение о несовместимости научных знаний и религиозных убеждений, о том, что «наука доказала, что религия – выдумка». Большинство молодежи «хотя и с огорчением, но убеждено, что надо пожертвовать религией во имя науки» [8, с. 103]. Докладчики – сотрудники РСХД – беседовали с крестьянской молодежью, помогая освободиться от предрассудков, посеянных предреволюционной популяризаторской литературой и устной атеистической пропагандой.

Итогом съезда стало учреждение РХДКМ, принятие устава, в котором были указаны задачи движения:

привлечение к вере во Христа и к Его Православной Церкви неверующих и сомневающихся; развитие между своими членами дружеских отношений и взаимной помощи; совместную работу над переустройством своей и общей жизни в соответствии с учением Христовым... [8, с. 107].

Еще более ценны личные свидетельства деревенской молодежи о значении съезда для их жизни:

«Мы переживаем самое лучшее, что когда-либо нам пришлось пережить, – сказал один из деревенских парней. – Мы были как бы в темной долине, а сейчас поднялись на самую вершину и видим, что дает душе, что делает с ней Свет Христов... Никогда в жизни я не испытывал того, что есть у меня в душе сейчас»... Можно сказать, что с помощью Божией – Съезд подлинно был для всех участников великим откровением Церкви, опытом жизни во Христе и в Церкви. В этом его исключительное значение и сила [8, с. 106–107].

После съезда делегаты крестьянской молодежи, вернувшись в свои деревни, делились приобретенным опытом, создавали христианские кружки, самодеятельные театры, оркестры и хоры и т. п., то есть все, что могло помочь изменить жизнь деревни, повернуть ее к культуре, к церкви, ко Христу. В помощь этим начинаниям в Эстонии силами движения издавалась миссионерская газета «Путь жизни», которая широко распространялась среди сельской молодежи. В селах Принаровья, Печорского края были открыты детские сады, в них трудились «глубоко идейные и образованные девушки-движенки, влияние которых на окружающую среду выходило далеко за рамки детских садов» [8, с. 110].

В зимний период печорские движенцы подготавливали специальные лекции миссионерского и предгласительного характера и затем отправлялись в деревни, хутора, где их с нетерпением ожидали деревенские жители. Такие встречи проходили в просторной деревенской избе, куда собирались жители близлежащих селений (от 10 до 30 человек; в Печоры специально присылали сани, чтобы привезти дорогих гостей). Этой работой в Печорах занималась Татьяна Евгеньевна Дезен, подготавливая для миссионерской работы девушек из движения.

Можно сказать, что деятельность РСХД в Европе и Прибалтике в целом, а также служение отдельных ярких личностей – таких как мать Мария, еп. Сергей (Королев) – так или иначе соприкасалось с задачами предгласительного этапа. Порой черты предгласительного выступления выступали особенно ярко. Однако основная проблема заключается в том, что на практике не существовало как таковой стройной системы оглашения. Более того, не была осознана ее необходимость. Основные задачи, которые ставили движенцы, – это собирание русской молодежи, ее спасение, ее воцерковление, а задача-максимум осознавалась как преображение всего мира светом Христовым, преображение всех сторон жизни человека, в том числе культуры, науки, образования.

Отсутствие катехизации компенсировалось в некоторой мере работой в евангельских кружках, в братствах, культурно-просветительских обществах, наконец, на приходах, которые возглавляли священники, участвовавшие в РСХД или сочувствовавшие ему. Предполагалось, что именно там произойдет окончательное воцерковление человека, откликнувшегося на призыв миссионерской проповеди.

Как уже говорилось выше, элементы предгласительного можно было увидеть и в работе съездов РСХД. В то же время съезды помогали воцерковлению и укреплению в вере. На всех съездах совершалась литургия, и большинство участников съезда участвовали в таинстве евхаристии. Для предгласительного периода в

К. Обозный
• Проблемы
предгласительного
этапа в миссионерской
практике
русского
зарубежья
в 1920–30-х
годах

Работы студентов по кафедре МКГ
• *На пути к воцерковлению*

строгом смысле слова это недопустимо, и в этом контексте можно увидеть некоторые параллели в миссионерской деятельности РСХД и предогласительной практике «Альфа-курса»: после предогласительного этапа, минуя катехизацию, начинается непосредственно церковная жизнь.

Нужно сказать, что успехи, достигнутые РСХД на ниве миссионерского, социального и культурно-просветительского дела, были велики. Более того, РСХД стала в тот период едва ли не единственным проводником в жизнь решений Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг., которые касались миссионерской деятельности и христианского просвещения. Однако сама необходимость катехизации, целостной системы оглашения, традиция которого была прервана много столетий назад, еще не была осознана. Русская церковная эмиграция видела перед собой иные задачи: прежде всего физическое, культурное, духовное выживание в условиях изгнания. Возможно, некоторым вопросам уделялось преувеличенное внимание. На ряд проблем, таких как увлечение интеллектуальным знанием, оторванным от реалий жизни, чересчур большое внимание культурно-национальному аспекту, излишняя увлеченность милитаризацией молодежи (скаутское движение) в ущерб христианскому служению, проникновение в движение политических право-монархических настроений, бюрократизация и заорганизованность в среде движущихся и др., неоднократно указывал в своих работах и выступлениях Н.А. Бердяев [9].

В итоге можно сказать, что труды и опыт РСХД в направлении миссии и предоглашения (пусть оно и не было осознано именно как предоглашение) не пропали даром. Главной заслугой РСХД можно признать то, что впервые в Русской православной церкви, хотя и за пределами России, была осознана необходимость внутренней миссии, то есть миссии в отношении русских людей, в большинстве считавших себя православными, что нередко оставалось лишь формальным признаком. Именно этот смелый шаг, серьезно подрывающий идеологему о святой Руси, позволил движению по-новому взглянуть на христианскую миссию и добиться весомых плодов на ниве проповеди Евангелия. Благодаря этому подвигу русского христианского зарубежья стало возможным появление в конце XX века в Советском Союзе, а потом в России огласительных систем, созданных на основе образцов оглашения в древней церкви.

Как писал Н.А. Бердяев, результаты деятельности русской диаспоры в Европе, и РСХД в частности, будут осознаны тогда, когда

никого из нашего поколения уже не будет в живых. Плодотворность поддержки русского христианского движения за рубежом может быть выяв-

лена, когда в России возможна будет организация христианской работы. Тогда будет оценено все, что сделано за это время [10, с. 52].

Впрочем, некоторые результаты не заставили себя долго ждать. В качестве примера в заключение отметим, что в годы действия Псковской православной миссии на оккупированных немцами территориях Северо-Запада России некоторые священники, прибывшие из Латвии, в их числе священник Алексей Ионов и священник Георгий Бенигсен, имевшие опыт движенской миссионерской работы, а также учебы в Парижском богословском институте, предпринимали попытки организовать огласительные группы на основе изучения Священного писания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994.
2. Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. Париж, 1993.
3. Зернов Н. После Клермона // Вестник РСХД. 1927. №9. С. 7.
4. Гаккель С., прот. Мать Мария. М., 1992.
5. Кочетков Г., свящ. Тайнственное введение в православную катехетику: Пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним: Диссертация на степень *maitrise de theologie*. М., 1998.
6. Сергей (Королев), архиеп. Пражский. Я возлюбил вас...: Автобиография. Свидетельства современников. М., 2003.
7. Зеньковский В.В. Зарождение РСХД в эмиграции: Из истории русских религиозных течений в эмиграции // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 29–31.
8. Лаговский И.А., Киселев Александр, прот. Возникновение РХД крестьянской молодежи (1934 г.) // Вестник РХД. № 168. С. 99–114.
9. Бердяев Н.А. Об идейном кризисе Движения: Задачи Движения и грозящие ему опасности // Вестник РХД. 1993. №168. С.53–59.
10. Бердяев Н.А. Значение Русского христианского движения // Вестник РХД. 1993. №168. С.47–52.